

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

С. В. ЛУРЬЕ

Межнациональные браки как часть советского государственного сценария: социокультурный подход*

В статье рассматриваются межнациональные браки в СССР как социокультурный феномен в контексте формирования в стране сценария “дружба народов”. Анализируется влияние советской национальной политики на народные сценарии межэтнических отношений. Сценарий “дружба народов” анализируется как форма поведенческого ролевого сценария, который проявляется в институте межнационального брака. Выдвигается тезис, что возможность массового распространения межнациональных браков между народами СССР была обусловлена формированием единого советского обобщенного культурного сценария, имевшего преломления в каждой из культур советских народов. Особое значение для межнациональной брачности имело распространение его в русской культуре, которая в лице мигрантов-колонистов в союзных республиках представляла в ее советско-имперской форме. Изучаются особенности ассимиляционных процессов в СССР.

Ключевые слова: межнациональные браки; “дружба народов”; культура; культурный сценарий; ассимиляция.

DOI: 10.7868/S0869049918030085

Брачное поведение – составная часть культуры. Его модели представляют собой части обобщенного имплицитного культурного сценария (ОИКС) [Лурье 2017]. Как правило, в брак вступают люди, чье взаимодействие определено спецификой их культуры или культур, особенности которых сопряжены. Такое сопряжение может возникать в процессе трансформаций ОИКС, что происходит в результате появления новых частных культурных сценариев, складывающихся стихийно в различных сферах взаимодействия культурных акторов и формирующихся в культурное единство в процессе нового культурогенеза. Этот процесс связан со сменой ценностных и мировоззренческих систем в обществе, но не является ее прямым следствием.

Идеологемы, распространенные в обществе, подлежат в нем интерпретациям и реинтерпретациям, на их основе продуцируются сценарии, гораздо более сложные и разветвленные, чем любая идеологема. В свою очередь, формирующиеся в обществе

---

* Работа выполнена по государственному заданию (тема «Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучия детей: публичное и приватное измерения», № государственной регистрации АААА-А17-117030110147-4).

Лурье Светлана Владимировна – доктор культурологии, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра (ФНИСЦ) Российской академии наук.
Адрес: ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 198005.
E-mail: svlourie@gmail.com

сценарии сами порождают идеологемы, получающие более или менее широкое распространение. Рассмотрим это на примере брачного поведения в СССР, когда впервые в культуре разных народов страны возникла возможность широкого распространения браков между их представителями.

Межнациональные браки в Российской империи и Советском Союзе

В Российской империи редкостью были браки не только между людьми разной веры и далеких друг от друга культур, но и представителями разных народов одной конфессии и близких культурно, в частности между православными славянами даже в этноконтактных зонах [*Ганицкая, Терентьева* 1977, с. 461]. Но и после революции 1917 г., когда законодательно были устранены все препятствия для межэтнической брачности, такие оставались редкими — вплоть до Великой Отечественной войны. Да и направленность развития советского общества в довоенные годы давала немного пищи для создания общесоветской культурной целостности, формирования единого “мы” советских народов.

В 1920-е гг. в национальной сфере проводилась политика “коренизации”. Это время создания не только национальных республик, но и национальных районов и сельсоветов. В школе поощрялось преподавание на национальном языке, русский в национальных школах был необязателен. Создавались национальные письменности (иногда — на основе латиницы). Стимулировался рост национальных кадров, прежде всего управленческих и культурных. В армии появлялись национальные подразделения. Понятие “патриотизм”, которое должно было бы объединять жителей страны, отвергалось, — все было подчинено интересам мировой революции. Русским как коренному народу Российской империи обвинения в угнетении нерусских народов до революции, и предлагалось во искупление этой вины бескорыстно помогать другим народам, не ожидая от них никакой благодарности. Политика “коренизации” помогла подняться многим малым народам СССР, но в целом влияла на национальную политику страны деструктивно, разъединяла страну. Неоткуда было взяться культурному сценарию, общему для живущих вместе народов. Возможно, обстановка 1920-х гг. способствовала некоторому числу межнациональных браков между теми, кто объединялись на классовой основе, но это не стало заметным явлением.

В 1930-е гг. взамен интернациональной классовой идеологии начинается пропаганда советского патриотизма. На русский язык переводится армия и вводится обязательное преподавание русского языка в школах. Про русских говорят, что они возглавили борьбу народов за свободу и помогают в развитии всем советским народам и за это им все должны быть благодарны. Легализуются герои русской государственной истории, признается русская классическая (“дворянская”) литература. Национальные письменности переводятся с латиницы на кириллицу. Но вряд ли русская культура, сильно усеченная в сталинской трактовке, в тех условиях могла объединить разноплеменных жителей СССР. Требовалось породить ее новое имперское преломление, нужен был сценарий, в котором понятие национального вводилось бы в определенные рамки, предполагающие взаимодействие между национальностями. Без этого даже появление понятия “советский патриотизм” было недостаточно для новой общей для народов СССР самоидентификации. А потому не фиксировалось и значимое число межнациональных браков между представителями народов СССР.

Кроме того — и это чрезвычайно важно — формирование нового культурного сценария связано с готовностью общества к новой самоорганизации, для чего требуется определенный эмоционально-положительный заряд, энергетический толчок, экзистенциальный совместный опыт разных представителей этого нового “мы”. Для многонациональной страны — это опыт, который можно назвать “этническим подключением”. Культурные сценарии разных народов совмещаются настолько, что разные этнические культурные системы начинают действовать по закономерностям функционирования единой культуры, даже если они и конфликтуют друг с другом, так что в своем взаимодействии они поддерживают процветание общего целого [*Лурье* 1994]. Каждая из

этнических культур, в нашем случае — культур народов СССР, должна была по-своему преломить общий сценарий и взаимодействовать как часть единой культуры, порождающей общие или взаимно согласуемые модели поведения.

Представляется, что таким общим экзистенциальным опытом была Великая Отечественная война, а энергетическим положительным толчком для формирования нового общесоветского сценария — победа в ней. Война в наметившейся идеологии провозглашается уже не классовой, а Отечественной, народной. Акцент в пропаганде делается на русскую историю и русских героев, поддерживается РПЦ. Предполагается, что другие народы помогают русским. “Русский патриотизм” и “советский патриотизм” сливаются. Хотя были случаи, когда солдаты нерусских национальностей отказывались воевать именно потому, что это русская война, их не касающаяся, но большинство населения принимают войну как свою и солидаризируются с русскими. Возникает ощущение единства, из которого рождается (впервые!) общее “мы”.

Этот опыт и дал основание формированию общего сценария межнациональных отношений, который потом советскими идеологами был назван “дружбой народов”. Именно тогда и начался бум межнациональных браков. Среднеазиатский исследователь Л. Сабиева пишет: “Большинство смешанных семей сложилось в годы Великой Отечественной (или вскоре после ее окончания), в связи с пребыванием уроженцев Средней Азии в рядах Советской армии. Бывшие солдаты и офицеры привозили своих жен из разных пунктов Украины, Белоруссии и других территорий, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков, из Карелии, Ленинграда, Волгограда, Воронежа и т.д.” [Сабиева 1974, с. 83]. В послевоенные годы “национально-смешанные семьи превратились в массовое явление”. В 1950-е гг. их доля уже превосходит 10% [Сусоколов 1987]. Резкий рост межнациональных браков после войны свидетельствовал о том, что в СССР стал активно складываться низовой этноинтегрирующий сценарий.

Но термин “дружба народов” появился только в середине 1950-х. “Русское” начинает все более пониматься как внеэтническое, а русский народ — как народ-цемент, скрепляющий Союз. Н. Хрущев в первые годы своего правления говорит о грядущем слиянии советских наций в одну. Но затем он меняет программу, заявляя всего лишь о сближении социалистических наций при одновременном расцвете каждой. Теперь предполагается, что при коммунизме еще долгое время будут существовать нации. Апелляция к русскому прекращается, “русское” вновь начинает преследоваться, возобновляются гонения на православную церковь. Но роль русского языка в государстве возрастает.

Идеологема “дружба народов” постфактум определила феномен взаимодействия народов СССР в Великой Отечественной войне. Она предполагала также взаимопомощь народов СССР, не была столь явно центрирована на русскую культуру и историю, хотя в соответствии с ней именно русский народ первый оказывает помощь и поддержку другим народам. Но главное — слово было сказано. На основе общности опыта военного братства начал формироваться низовой сценарий “дружба народов”. Теперь миграция на крупные стройки и промышленные объекты воспринимается не только как экономическая необходимость, но и как проявление “дружбы народов”, и отношения на стройках складывались в соответствии с новым народным культурным сценарием. В его рамках становились все более возможными браки представителей разных национальностей.

В самом начале 1970-х гг., к 50-летию СССР, появляется термин “новая историческая общность — советский народ”, который понимается как формация более высокая, чем нация, и включает советские социалистические нации. РСФСР играет роль донора по отношению к советским республикам, о русском народе говорят как о “старшем брате”, который призван оказывать бескорыстную помощь. Но апелляции к русским традициям не наблюдается. Идеологема “советский народ” дала основу для эксплицитной общей самоидентификации народов СССР. С. Уалиева и Э. Эдгар в статье о межнациональных браках в Казахстане приводят высказывание одной из респонденток, полуказашки-полурусской о браке своих родителей: “Сложно сказать, что это межэтнический брак. Это моноэтнический брак, потому что они были советские люди” [Уалиева, Эдгар 2011, с. 41]. В 1979 г. доля межнациональных браков в СССР выросла уже до 15%.

Между тем в республиках *de facto* происходит возврат к “коренизации”, появляются “национальные квоты”. Призыв к стабильности кадров уничтожает почву для репрессий, но создаются национальные номенклатуры и кланы. Это время спада идеологии в СССР, превалирования все более индивидуалистических интересов. Процент межнациональных браков в обществе продолжает расти, хотя и не такими быстрыми темпами. В ряде регионов — в Средней Азии и Казахстане — произошло некоторое его снижение, правда, речь идет о долях процента: так, в Узбекистане “доля межнациональных семей от всех семей в республике уменьшилась с 1970 по 1979 г. с 10,9 до 10,5%” [Сусоколов1987]. В европейских республиках СССР процент межнациональных браков либо стабилизировался, как в Молдавии, достигнув 42%, либо продолжал расти, как в Прибалтике, достигнув к концу 1970-х, например, в Таллине, 32%. В целом по стране, согласно переписи 1989 г., 17,5% межнациональных браков, причем в некоторых республиках — в Латвии, Украине, Казахстане и Молдавии их было намного больше: около четверти от всех заключавшихся браков и более.

“Дружба народов” как поведенческий сценарий

“Дружба народов” одновременно была и идеологической формулой, содержательно довольно слабо разработанной, и реальным сценарием человеческих взаимоотношений с богатым содержанием и полным нюансов, который развивался не всегда в соответствии с советской национальной политикой. Конечно, эта политика имела определенное влияние на его формирование, когда апеллировала к единству народов СССР и создавала почву для формирования единого образа “мы”. Но поведенческие модели, из которых, собственно, и состоял сценарий, возникли в результате народного творчества.

“Дружба народов” — это форма взаимоотношений между представителями разных народов, основанная на избегании конфликтов, придании противоборству игровых форм, культивировании искусства компромиссов, того, что в национальных отношениях называли тактичностью, а по существу — формированию наднациональной культурной общности, которую пронизывают общие поведенческие образцы и, что особенно важно, образцы межкультурного диалогового взаимодействия. Его участники — люди, в значительной мере утратившие народные традиции, но сохранившие свое национальное самосознание [Лурье 2011]. Таковы, в первую очередь, инонациональные мигранты-колонисты в национальных республиках (на больших стройках и промышленных предприятиях) и примыкающая к ним часть коренного населения республик, во многом оторванная от народной культуры, ставшая материалом для нового культурогенеза. Но и почти все представители народов СССР, в силу обстоятельств оказавшиеся в инонациональном окружении (например, в длительной командировке), импровизируя, реализуют тот же сценарий. Так что он по праву может быть назван низовым общесоветским сценарием. И национальность, воспринимаемая в рамках этого сценария как роль, позволяла человеку легко встраиваться в диалог с человеком с иной национальностью-ролью и быть им понятным. Взаимодействие строилось на взаимных компромиссах, возможными именно благодаря выстраиванию для каждого определенной ролью в сценарии. Народы, традиционно соперничающие и даже враждовавшие, должны были сублимировать свою враждебность и, если и представлять ее, то в игровой форме. Именно распространение поведенческого сценария “дружба народов” способствовало распространению межнациональных браков в СССР: супруги разных национальностей, когда дело касалось их традиций, культурных черт, национального самосознания вели себя в соответствии с моделями отношений, заложенными в этом сценарии.

Культурным эталоном “дружбы народов” была отнюдь не русская этническая культура, а русская имперская, государственническая культура, представшая в советскую эпоху как основанная на идее первенства в достижениях. Вспомним знаменитые строки из популярных тогда песен: “Впереди планеты всей”, “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью”, “И на Марсе будут яблони цвести”. В сознании русских людей русская культура воспринималась как общегосударственная, “цементирующая” советское общество.

Поэтому, возможно, русские легко вступали в межнациональные браки: они выглядели не межкультурными, а подчеркивающими идеологему единого “советского народа”.

В самой РСФСР, несмотря на большие комсомольские стройки и рост молодых городов в Сибири, обширные инонациональные вкрапления, не говоря уже об автономных республиках, где процент межнациональных браков порой доходил до 50%, как в Карелии или Коми АССР, доля межнациональных браков в целом была невелика — только 14,7% к 1989 г. [Терентьева 1972, с. 6]. Постоянно проживающие в определенной местности русские редко вступают в межнациональные браки. Они представляли собой точно такой же субстрат советской страны, как и другие народы. И советскому государству русские были интересны в своем имперском преломлении. Такими советскими имперскими русскими были, в основном, мигранты-колонисты в союзных республиках. Там их функция была двойная. Во-первых, они создавали мигрантскую среду, включая в нее представителей разных народов, образуя советский интернациональный имперский класс, хорошо ассимилирующийся к общесоветскому образцу. Внутри этого класса межнациональные браки были нормой, это были браки между “советскими” людьми. Во-вторых, русские мигранты-колонисты ассимилировали коренные народы советских республик и в немалой мере ассимилировались сами, создавая с определенной прослойкой этого населения единое пространство, правда, тяготеющее не столько к единому общесоветскому образцу, сколько к его республиканскому варианту, и для каждой республики особенного. Внутри этого слоя также заключались межнациональные браки, с разной степенью активности.

Межнациональные браки и миграция

Процент межнациональных браков в республиках определяется не количеством и разнообразием этнического состава населения республики, а процентом в этом населении русских и культурной совместимостью русского и коренного населения республики. Так А. Сусоколов приводит цифры: в 1979 г. в Азербайджане некоренные национальности составляли 22%, в Литовской ССР — 20%. Однако в Литве доля межнациональных браков в 1,5 раза больше. Точно так же доля населения некоренной национальности в Таджикистане выше, чем в Молдавии (41 и 36%, соответственно), а процент межнациональных семей в Молдавии в 1,5 раза больше, чем в Таджикистане [Сусоколов 1987]. “Увеличение или, наоборот, уменьшение доли русского населения в республиках ведут к соответствующему изменению доли национально-смешанных семей” [Социально-культурный...1986, с. 155].

Миграция, которая захватывала в большинстве своем русских, но также и представителей других народов СССР, была движущей силой установления межнациональной брачности в СССР. Особенно велик процент межнациональных браков был на так называемых всесоюзных стройках, куда съезжались молодые люди, вырванные из национального и семейного контекста, а потому более открытые влиянию советской идеологии: там доля межнациональных браков приближалась к теоретической вероятности, это — места преимущественного формирования советского культурного сценария. Например, в сравнительно небольшом Нуреке доля межнациональных браков составила в 1975 г. 37,6%, а в гораздо большем по численности Ленинабаде их доля в том же году составила 21,6% [Сабиева 1979, с. 17]. Можно сказать и так: “Причины роста и увеличения количества национально-смешанных браков кроются... в диспропорции сложившейся социально-демографической и национальной структуры населения брачного возраста как следствие планирования развития народно-хозяйственного комплекса” [Устинова 1990, с. 217].

Но инонациональная миграция вела к росту межнациональных браков в новых городах не механически. Л. Дробужева приводит любопытное наблюдение: «В молодом городе Новочебоксарске (Чувашия) изучалась статистика межнациональных браков за время активного формирования города. “Всплеск” национально-смешанных браков имел место в городе в первые два-три года массового межнационального общения, затем доля их

убавилась и оставалась относительно стабильной практически в течение 7–8 лет, и только на десятом году совместного проживания кривая доли смешанных браков вновь стала расти» [Дробижева 1981, с. 209].

Как это можно объяснить? На первом этапе в молодом городе еще наблюдается неструктурированная среда, где нет определенных стабильных культурных сценариев, ни старых, ни новых, а потому не существует культурных преград и для межнациональных браков между разными членами социума. Затем наступает период стабилизации нового социума, а поскольку новая культурно-психологическая общность складывается постепенно, дают о себе знать прежние установки: больше заключается однонациональных браков. Формирование нового культурного сценария, основанного на общем “мы” недавно бывших новоселов, в котором браки между людьми разной национальности не будут уже экзогамными, происходит подспудно и дает о себе знать лишь через некоторое время. Так, в каждом случае формирования новой интернациональной общности происходит обусловленный культурными закономерностями процесс выработки ее обобщенного культурного сценария.

Динамика межнациональных браков в СССР

Процент межнациональных браков в СССР рос, но не прямолинейно. Динамика изменения их доли в каждой республике своя, особенно это касается браков с участием представителей коренной национальности. Процент межнациональных браков в различных республиках был очень разным: от 27,5% в Латвии до 3,8% в Армении. Различия между республиками по доле национально-смешанных семей не только не уменьшались, но и постоянно увеличивались. Доля национально-смешанных семей в союзных республиках отклонялась от общесоюзного показателя в 1959 г. в среднем на 35%, в 1970 г. — на 36%, а в 1979 г. — на 39%. Так, в Таллине наблюдается рост процента эстонцев, вступающих в межнациональные браки (с 1959 по 1979 гг. среди мужчин почти в 2,5 раза); в Кишиневе за этот же период процент межнациональных браков оставался почти неизменным — на уровне трети от всех браков; у грузин в Тбилиси — понизился на 20% [Сусоколов 1987, с. 46–47].

В Европейской части СССР и Закавказье преобладало сочетание в супружеских союзах представителей коренной национальности с русскими. Например, в Латвии и Эстонии такие семьи составляют свыше 32% от общего числа национально-смешанных семей, в Армении — около 40%, в Азербайджане и Грузии — 24–26%. В республиках же Средней Азии насчитывалось больше семей, в которых супруги относятся к коренным национальностям региона [Ганцкая, Терентьева 1975, с. 465].

У среднеазиатских народов в браки с представителями славянских народов вступали в основном мужчины, “девушки местных национальностей значительно реже вступают в брак с русскими, украинскими и другими юношами европейских национальностей” [Нарынбаев 1966, с. 69]. У прибалтийских же народов по участию в межнациональных браках женщины опережали мужчин. Так, литовские женщины чаще мужчин состояли в национально-смешанных браках — соответственно, 57% и 43% [Устинова 1990, с. 209].

У разных народов в межнациональные браки вступали преимущественно разные слои населения. О. Ганцкая и Л. Терентьева отмечали, что в Средней Азии в “межнациональные браки более часто заключаются среди местной интеллигенции, чем в остальных социальных категориях”, особенно часто — среди учителей [Ганцкая, Терентьева 1975, с. 473]. Р. Ачыллова полагала, что “быстрее ассимилируется рабочий класс, чем крестьянство, техническая интеллигенция, чем гуманитарная” [Ачыллова 1987, с. 151]. В Молдавии среди интеллигенции доля вступающих в межнациональные браки была примерно такая же, как среди вступающих в однонациональные. Создавалась интеллигентская прослойка, интегрированная в советский сценарий. А среди эстонцев и грузин более склонными к межнациональным бракам были рабочие [Сусоколов 1987, с. 80]. Видимо, интеллигенция этих народов была хранительницей национальных идеалов. Однако советские исследователи полагали, что сама по себе малая доля межнациональных

браков не означала отстраненности от общесоветского сценария. Как писала Дробижева, “у некоторых народов, к примеру, национальностей Средней Азии, однопациональные браки жестко связаны со всей системой традиционной культуры... и не могут прямо и безусловно интерпретироваться как индикатор межнациональных отношений” [Дробижева 1981, с. 220].

Вовлеченность народов СССР в общесоветские культурные сценарии зависела также от интенсивности их собственных национальных культурных сценариев, причем не только народов в целом, но и различных его общностей. Так, с первых лет советской власти “наиболее часто в национально-смешанные браки вступали рассредоточено живущие армяне и латыши” [Козлов 1982, с. 265]. Также в 1970-е гг. наибольшую открытость к межнациональным бракам проявляют белорусы, украинцы и армяне, живущие вне Армении [Козлов 1982, с. 270]. Между тем доля межнациональных браков в Армянской ССР была самой низкой в СССР: 3,8% в 1989 г. Это объясняется тем, что в то время в Армении с центром в Ереване, мало затрагивая армян вне Армении, шел процесс формирования нового собственного культурного сценария, призванного психологически скомпенсировать пережитую армянами трагедию геноцида 1915–1916 гг., который сопрягался с русским культурным сценарием специфического образом, через своеобразный перенос на русских образа покровителя в картине мира армян [Лурье, Давтян 2012, с. 227–228].

Урбанизация, миграция из деревни в город не всегда способствует росту межнациональных браков. В Тбилиси, например, бывшие сельские жители-грузины редко вступали в межнациональные браки, тогда как в Таллинне, наоборот, сельские мигранты-эстонцы охотно, гораздо чаще, чем эстонцы-горожане, вступали в браки с русскими. В Тбилиси “мигранты поддерживают более тесные связи с сельскими родственниками. Старшие родственники в значительной степени влияют на выбор ими супруга. В Таллинне мигранты из села ориентируются при выборе брачного партнера на новую для них городскую среду. Однако они оказываются менее адаптированными к городской этнической субкультуре. Их межличностные связи внутри этноса оказываются слабее, чем у коренных горожан” [Сусоколов 1987, с. 43–44].

А вот среди славян-мигрантов быстрыми темпами шел процесс интеграции. Так, русско-украинские браки составили в конце 1970-х гг. в Кишиневе 8%, в Таллинне – около 9% браков (всех, а не только межнациональных!) [Сусоколов 1987, с. 44]. Смешанные браки между русскими, украинцами, белорусами, проживающими в инациональной среде (например, в Казахстане, в Молдавии), по численности часто равны или даже превосходят теоретическое число таких браков [Дробижева 1981, с. 221]. Здесь восточнославянские народы выступали зачастую как единая этническая общность. По мнению Сусоколова, “значительный рост численности межнациональных браков означает, что культурные границы между двумя этническими общностями стираются, и люди перестают воспринимать друг друга как представителей разных этносов” [Сусоколов 1987, с. 18]. Дробижева отмечает, кроме того, высокий процент браков русских с татарами, в некоторых регионах СССР достигающего теоретической вероятности [Дробижева 1981, с. 221]. Ганцкая и Терентьева говорят о том, что русско-татарские браки в Вильнюсе, Минске и Чебоксарах “приближаются к теоретической вероятности или совпадают с ней” [Ганцкая, Терентьева 1975, с. 468].

Попытки анализа феномена межнациональных браков в СССР

Рассмотрим советскую идеологию сквозь призму рефлексии межнациональных браков. Отмечу, что сами исследования межнациональных браков в СССР появляются лишь в 1960-е гг. Они очень редки и встречались лишь в некоторых союзных республиках, хотя факт возрастания процента таких браков зафиксирован уже Всесоюзной переписью 1959 г. Но заметны они становятся позднее – к 1970-м гг., когда появилась идеология “новая историческая общность людей – советский народ”. Как пишет в 1981 г. Дробижева, “внимание научной общественности к изучению межнациональных браков

привлечено в последние 10–15 лет. Результаты этого изучения стали использоваться в нашей пропаганде — прессе, лекциях, фильмах” [*Дробижева* 1981, с. 221].

Прежде всего сам факт наличия межнациональных браков, с точки зрения советских исследователей, свидетельствует о сближении народов СССР [*Джурбаев* 1962, с. 34]. С 1960-х гг. они уже не говорили о слиянии советских наций в одну, но мысль об их ассимиляции была центральной. “Само появление и учащение таких браков свидетельствует о начавшемся сближении между народами”, указывает В. Козлов [*Козлов* 1982, с. 262]. А Р. Ачылова утверждала, что “важнейшими каналами этнической ассимиляции в СССР являются смешанные браки” [*Ачылова* 1968, с. 151].

Но кто к кому или чему ассимилировался? Нашлось только одно упоминание о русском народе в одном из первых в советской научной литературе исследовании межнациональных браков. В 1966 г. киргизский ученый А. Нарынбаев пишет: “Следует отметить значение межнационального брака между юношами среднеазиатских национальностей и русскими девушками для семей нерусских национальностей. Посредством межнациональных семей прогрессивные традиции, обычаи, быт и культура великого русского народа воспринимаются представителями других национальностей” [*Нарынбаев* 1966, с. 69]. С большой натяжкой в качестве упоминания ассимиляции нерусского населения русскими можно рассматривать пассаж азербайджанского исследователя Г. Садыхова: “Молодежь русской нации с ее культурно-историческими и революционными традициями, с высокоразвитым чувством национальной солидарности, с ее атеистическим мировоззрением часто вступает в брак с представителями различных народов нашей страны” [*Садыхов* 1982, с. 40–41].

Более характерно высказывание Сабиевой: “Межнациональные браки свидетельствуют о том, что укрепление дружбы между народами СССР, процесс сближения социалистических наций привели к значительному расширению основ совместимости духовного мира людей различных национальностей, формированию общесоветских нравственных идеалов... Интернационализация брачно-семейных отношений стала важной чертой утверждения в СССР единого советского образа жизни” [*Сабиева* 1979, с. 2, 14]. Об этом же пишет и Н. Скачкова: “Участники межнациональной семьи и в повседневной практике синтезируют лучшие черты обеих наций и прямо или косвенно способствуют усилению черт многонационального, общесоветского” [*Скачкова* 1977, с. 270]. Э. Соболенко говорит о том, что “уже в первом поколении смешанных семей преобладают общесоветские формы культуры” [*Соболенко* 1980, с. 270]. Межнациональные семьи рассматриваются как “один из путей формирования новой исторической общности — советского народа” в [*Социнская* 1983, с. 10]. О взаимопроникновении культур говорит Козлов: “Широко развернувшиеся в нашей многонациональной стране ассимиляционные процессы во многом определяются распространением национально-смешанных браков между представителями уже сформировавшихся народов, имеющих достаточно четкое национальное самосознание” [*Козлов* 1982, с. 263].

Однако смешанные браки “нередко объединяют людей в культурном и языковом отношении уже ассимилированных”, а потому преувеличивать их значение в деле ассимиляции нельзя [*Ачылова* 1987, с. 151]. Во многом межнациональные браки сами оказываются следствием ассимилятивных процессов: “Возникает совместимость норм поведения, возможность взаимопонимания людей различных национальностей даже в такой сфере общения, как семья, что способствует заключению национально-смешанных браков и образованию межнациональных семей” [*Социально-культурный...* 1986, с. 152]. Значение межнациональных семей для процесса ассимиляции состояла в том, что они, вольно или невольно воплощая советский культурный сценарий, они активно способствовали его распространению.

“Исчисляясь миллионами, такие семьи втягивают в общение большое количество людей разных национальностей — родителей супругов, их родственников, друзей и знакомых” [*Сабиева* 1979, с. 2]. В межнациональные браки чаще вступают те, кто уже имеют опыт родственного общения с людьми другой национальности. Так, “среди эстонцев, состоящих в межнациональных браках, каждый второй имеет родственников, состоящих

в браке с лицом другой национальности, а среди тех, кто имел супруга своей национальности, — лишь каждый четвертый” [Сусоколов 1987]. С государственных позиций в межнациональных семьях шла ассимиляция к советско-имперскому, государственно-му. В этническом же плане ассимиляция была взаимной: представители нерусских национальностей перенимали русский язык, а русские мигранты-колонисты — нормативную систему народов республик, в которых они жили.

Межнациональные семьи часто были русскоязычными, “... рост межнациональных браков является одним из существенных факторов, способствующих распространению русского языка как языка межнационального общения и как второго языка для людей нерусской национальности” [Сабиева 1979, с. 16]. Вместе с тем отмечалось: не столько межнациональные браки вели к распространению двуязычия, сколько само двуязычие способствовало росту межнациональных браков [Сусоколов 1987].

Но вот в поведенческом отношении русские мигранты в республиках ассимилировались к коренному населению этих республик: “Особенности социо-нормативной культуры, культуры поведения коренных национальностей более активно воспринимаются русским населением... Одним из показателей сохранения традиционных норм в семье является ответ на вопрос: обязательно ли спрашивать согласие родителей на вступление в брак?.. Сравнение результатов опроса по городскому населению различных республик показывает, что доля считающих обязательным спрашивать согласие родителей на вступление в брак приблизительно одинакова у русского населения и коренной национальности” [Социально-культурный... 1986, с. 164]. Так, в республиках Прибалтики браки русских с представителями коренных национальностей были скорее инструментом ассимиляции к коренным народностям, чем к русским. В Литве “дружный климат внутрисемейных отношений в этих семьях чаще всего складывается в том случае, если супруг или супруга русской национальности легко адаптируется к окружающей литовской культуре, укладу жизни” [Устинова 1990, с. 214].

В СССР шла ассимиляция отнюдь не к русскому этническому, а к советскому эталону, который в каждой республике имел свои вариации и к которому ассимилировались и коренные жители, и русские мигранты-колонисты. В республиках формировался самобытный слой русского населения, отличный от русского населения в РСФСР и специфичный для каждого региона, на который ложилась тяжесть коммуникационной функции русского народа с другими народами. Русские, сближаясь с разными народами, как бы “сшивают” жителей страны. Русская женщина (русские мужчины реже вступали в межнациональные браки), вышедшая замуж за представителя коренной национальности республики, подключалась и к национальному сценарию данной республики, усваивала его модели поведения. Происходило взаимопроникновение сценариев, адаптация модели советского человека для разных народов. И наиболее ярко ее воплощали потомки от смешанных браков.

Самоидентификация детей от смешанных браков

Потомки от национально-смешанных браков «составляют значительную часть людей, у которых не совпадают национальность и родной язык... Расхождение двух важных показателей самосознания — отнесение себя к той или иной национальности и выбор родного языка — говорит об определенной “размытости”, двойственности этнического самосознания» [Сусоколов 1987]. Этническая ориентация “детей в таких семьях становится весьма затруднительной” [Козлов 1982, с. 263].

Предпочтительный выбор подростками одной из национальностей родителей в значительной мере определяется интенсивностью и направлением этнических процессов в республиках [Терентьева 1974, с. 7]. В Средней Азии они обычно выбирали титульную национальность республики, в городах же Прибалтики наблюдался лишь незначительный перевес в сторону выбора титульной национальности. По сути ассимиляционные процессы к титульной национальности были преобладающими именно в Прибалтике, хотя официальная статистика казалось бы не подтверждает это. Национальность же

в Средней Азии выбиралась по отцу, а в межнациональные браки там чаще вступали как раз мужчины коренных национальностей. В Прибалтике или Молдавии, где мужчины и женщины всех национальностей вступали в браки примерно с одинаковой частотой, предпочтение чаще отдавалось титульной национальности, даже если к ней принадлежит мать, а не отец. В городах Украины и Белоруссии чаще выбирали русскую национальность. Дети от браков “русских женщин с мужчинами других национальностей в пределах РСФСР и, особенно, в городах, чаще всего причисляют себя к русским” [Козлов 1982, с. 264]. Так в Чебоксарах при браках чувашей с русскими только 2,2% молодежи осознают себя чувашами, а 97,8% – русскими. Близки к этому показателю были и мордово-русские семьи [Терентьева 1974, с. 6].

В союзных республиках, где один из родителей – русский, дети, как правило, выбирали русскую национальность “независимо от того, отец или мать ее представляет” [Ачылова 1968, с. 12]. Сложнее было, когда оба супруга – нерусские и находятся в инонациональной среде. Подобная ситуация довольно часто встречалась в областях страны, привлекающих мигрантов. Поэтому, полагали некоторые исследователи, необходимо для молодого человека – потомка таких родителей – выбирать только между национальностью отца или матери “огрубляет действительную этническую ориентацию многих граждан СССР, а в ряде случаев и искажает ее” [Козлов 1982, с. 264]. Но дети от смешанных браков “в гораздо большей мере, чем дети от однонациональных браков, выступают как носители не этноразделяющих, а этнообъединяющих интегрированных межэтнических черт. Отсюда вытекает немаловажное значение рассмотренных явлений как явлений цементирующих формирование такой новой исторической общности, как советский народ” [Терентьева 1974, с. 11–12].

* * *

Итак, очевидно, что в СССР речь шла об ассимиляции, инструментом которой были и межнациональные браки. Какие ценности распространялись через реализацию такой модели? Их набор небогат. В основном, это идеи отрицания традиционного, культурной нивелировки.

Советские авторы, в частности Козлов, пишут о том, что “распространению межнациональных браков способствовало падение прежних этнических и религиозных предрассудков, ломка старого культурно-бытового уклада и сложение нового быта, внедрение в жизнь интернациональных элементов культуры, новых обрядов и т.д.” [Козлов 1982, с. 267]. Ганцкая и Терентьева, говоря о естественной ассимиляции в обрядности, указывали, что прослеживается она “с трудом, в связи с нивелировкой старых и распространением новых обычаев” [Ганцкая, Терентьева 1973, с. 8]. Так ассимиляция, сопровождающая межнациональную брачность, выглядела в официальной идеологии, выразителями которой и были советские ученые.

Советскими авторами приветствовались межнациональные браки, как инструмент разрушения передачи через институт семьи национальных и религиозных традиций. А потому они радовались, что “одним из основных социальных результатов роста доли межнациональных семей молодежи в новых городах является то, что в этих городах ярче и определеннее проявляются тенденции, ведущие к разрушению религиозных взглядов, обрядов, обычаев и нравов на основании развития семейно-брачных отношений” [Садыхов 1982, с. 42]. А потому, “когда общественные организации ведут борьбу за внедрение советских обрядов, лишенных религиозной окраски, межнациональные семьи выступают их активными проводниками” [Сабиева 1979, с. 23].

Но на практике все было не совсем так: у молдаван среди тех, кто не празднуют религиозных праздников, приветствовали межнациональные браки 76%, а среди отмечающих такие праздники – 61% [Дробжишева 1981, с. 190]. Меньше, но тоже не мало. Ведь они жили в культурном пространстве, где такие браки – норма. Но советский культурный сценарий был, по сути, экстремальным, включая множество людей, полностью выбитых из традиционной колеи, утративших прошлый культурный багаж, и сам во многом знаменовал отказ от культурной преемственности. Да, можно сомневаться, что супруги

в межнациональных семьях как-то особо, отлично от других, тяготели к коммунистическому мировоззрению, но именно эти супруги, действуя в соответствии с советским образцом, оказывались восприимчивыми и к не совсем желательным порождениям советской эпохи, порою основанным на усеченном понимании культуры.

В 1980-е гг. рост межнациональных браков продолжался, хотя его темпы замедлялись. Как правило, это объясняется изменением направления миграции в СССР с центрбежной на центростремительную (например, в зону Нечерноземья). Приводятся и другие демографические причины, свои для каждой республики. Но в целом можно предположить, что советский сценарий, зародившись и даже в определенной мере закрепившись, не сумел и дальше поступательно развиваться. Этому культурному сценарию не хватало “пищи”, советская идеология померкла, поскольку строилась на нежизнеспособной схеме. Наступил период политического и морального кризиса, который знаменовался погружением советских людей в индивидуализм, быт и нарастающее отторжение “советскости”.

Межнациональные браки остались фактом частной жизни россиян, утратив собственное культурное значение. В настоящее время в Российской Федерации их 12% от общего числа браков [Сороко 2014, с. 96]. И они, скорее, выражают кризисное состояние русского народа, выражением стремления молодых русских женщин обрести крепкую семью в браке с представителями традиционных обществ с более прочными семейными связями. Причем браки ныне воспринимаются во многом негативно, как нарушение должного культурного сценария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ачылова Р. (1968) Межнациональные браки и семьи в СССР. (Социологическое исследование на материалах Киргизии и Узбекистана). Автореф. дис... канд. филос. наук. Ленинград: Изд-во ЛГУ.
- Ачылова Р. (1987) Нация и семья. Фрунзе: Илим.
- Ганцкая О.Г., Терентьева Л.Н. (1977) Межнациональные браки и их роль в этнических процессах // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука. С. 461–492.
- Ганцкая О.Г., Терентьева Л.Н. (1975) Семья – микросреда этнических процессов // Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука. С. 465–501.
- Ганцкая О.Г., Терентьева Л.Н. (1973) Этнос и семья в СССР. IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь, 1973). Доклады советской делегации. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Джураев А.Д. (1962) Сближение наций и возникновение интернациональной общности народов СССР // История СССР. № 3. С. 3–17.
- Дробижина Л.М. (1981) Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль.
- Козлов В.И. (1982) Национальности СССР. Этнодемографический обзор. М.: Финансы и статистика.
- Лурье С.В. (2011) Дружба народов в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации // Общественные науки и современность. № 4. С. 145–156.
- Лурье С.В. (2017) Культура и ее сценарий: имплицитный обобщенный сценарий как внутрикультурный интегратор // Общественные науки и современность. № 2. С. 153–164.
- Лурье С.В. (1994) Русские и армяне в Закавказье в XIX веке: динамика контактной ситуации. Опыт этнопсихологического анализа. Санкт-Петербург: Институт социологии РАН.
- Лурье С., Давтян А. (2012) Ереванская цивилизация. (Процесс формирования традиций и ценностей). Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.
- Нарынбаев А.И. (1966) Опыт социологического исследования межнационального брака. // Нация и национальные отношения. Фрунзе: Илим. С. 65–79.
- Сабиева Л.Х. (1979) Межнациональные браки и семья как отражение национальных отношений нового типа. Автореферат дис... к.и.н. М.: Изд-во МГУ.
- Сабиева Л.Х. (1974) Роль межнациональных браков в процессе сближения социалистических наций (На примере республик Средней Азии) // Социально-политические отношения в развитом социалистическом обществе. М.: Издательство Московского университета. С. 80–98.
- Садыхов Г.Ш. (1982) Межнациональные молодые семьи новых городов Азербайджана // Современная семья. М.: Финансы и статистика. С. 40–54.

Скачкова Н.П. (1977) Роль межнациональных браков и семей на сближение советских наций и народностей в период развитого социализма (на материалах Казахской ССР). Автореф. дисс... канд. филос. наук. Алма-Ата: б/и.

Соболенко Э.Р. (1980) Роль семьи в этнических процессах. // Этнические процессы и образ жизни. (На материалах исследования населения городов БССР). Минск: Наука и техника. С. 157–174.

Сороко Е.Л. (2014) Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации// Демографическое обозрение. Т. 1. № 4. С. 96–123.

Социально культурный облик советских наций. (По результатам этносоциологического исследования) (1986) / Арутюнян Ю.В., Бромлей Ю.В. (отв. ред.). М.: Наука.

Сочинская С.И. (1983) Межнациональная семья и ее роль в интернационализации советского образа жизни. В помощь лектору. Методические рекомендации. Одесса: Одесская областная организация общества «Знание».

Сусоколов А.А. (1987) Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль (https://books.google.ru/books/about/Межнациональные_браки.html).

Терентьева Л.Н. (1974) Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях. VIII Всемирный социологический конгресс. Канада, Торонто, 17–24 августа 1974 г. М.: Институт социологических исследований, Советская социологическая ассоциация.

Терентьева Л.Н. (1972) Этнические процессы и семья. XII Международный семинар по исследованию семьи. М.: Советская социологическая ассоциация, Институт конкретных социальных исследований. II с.

Уалиева С., Эдгар Э. (2011) Межэтнические браки, смешанное происхождение и “дружба народов” в советском и постсоветском Казахстане // Неприкосновенный запас. № 6 (80). С. 34–45.

Устинова М.Я. (1990). Некоторые вопросы изучения национально-смешанных браков и семей (на примере Литвы) // Семья. Традиции и современность. М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР. С. 205–217.

Interethnic marriages as part of the Soviet state script: A socio-cultural approach

S. LOURIE*

*Lourie Svetlana – Doctor of Culturology, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of the Sciences. Address: 25/14, 7th Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg, 198005. E-mail: svlourie@gmail.com

Abstract

The article deals with interethnic marriages in the USSR as a socio-cultural phenomenon in the context of the formation in the country of the “friendship of peoples” scenario. The influence of the soviet national policy on popular scenarios of interethnic relations is analyzed. The thesis is put forward that the possibility of mass interethnic marriages dissemination between the USSR’s peoples had being conditioned by the formation of unified generalized soviet cultural script that had refractions in each of the soviet peoples cultures. Of particular importance for the spread of intermarriage was its refraction in Russian culture, which appeared in its soviet-imperial form in the person of migrant colonists in the Union’s republics. The features of assimilation processes in the USSR are being studied.

Keywords: interethnic marriages; “friendship of peoples”; culture; cultural script; assimilation.

REFERENCES

Achylova R. (1968) *Mezhnacional'nye braki i sem'i v SSSR. (Sociologicheskoe issledovanie na materialah Kirgizji i Uzbekistana)* [Sociological research at the materials of Kyrgyzstan and Uzbekistan]. Ph. D. (Philosophy) Thesis' Synopsis. Leningrad: Leningrad State Univ. Publishers.

Achylova R. (1987) *Naciya i sem'ya* [Nation and family]. Frunze: Ilim.

Drobizheva L.M. (1981) *Duhovnaya obshchnost' narodov SSSR. Istoriko-sociologicheskij ocherk mezhnacional'nyh otnosheniy* [Spiritual commonality of the peoples of the USSR. Historical and sociological essay on interethnic relations]. Moscow: Mysl'.

Dzhuraev A.D. (1962) *Sblizhenie nacij i vozniknovenie internacional'noj obshchnosti narodov SSSR* [The rapprochement of nations and the emergence of an international community of peoples of the USSR], *Istoriya SSSR [History of the USSR]*, no. 3, pp. 3–17.

Ganckaya O.G., Terent'eva L.N. (1973) *Ehtnos i sem'ya v SSSR* [Ethnos and family in the USSR]. *Report made on the IX International Congress of Anthropology and Ethnography Sciences (Chicago, September, 1973)*. Moscow: Nauka, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury.

Ganckaya O.G., Terent'eva L.N. (1977) *Mezhnacional'nye braki i ih rol' v ehtnicheskikh processah* [Interethnic marriages and their role in ethnic processes], *Sovremennye ehtnicheskije processy v SSSR* [Contemporary ethnic processes in the USSR]. Moscow: Nauka, pp. 461–492.

Ganckaya O.G., Terent'eva L.N. (1975) *Sem'ya – mikrosveta ehtnicheskikh processov* [The family is the microenvironment of ethnic processes]. *Sovremennye ehtnicheskije processy v SSSR* [Contemporary ethnic processes in the USSR]. Moscow: Nauka, pp. 465–501.

Kozlov V.I. (1982) *Nacional'nosti SSSR. Etno-demograficheskij obzor* [Nationalities of the USSR. Ethno-demographic review]. Moscow: Finansy i statistika.

Lourie S.V. (2011) *Druzhba narodov v SSSR: nacional'nyj proekt ili primer spontannoj mezhehtnicheskoj samoorganizacii* [The Friendship of Peoples in the USSR: National Project or Example of Spontaneous Interethnic Self-Organization], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 4, pp. 145–156.

Lourie S.V. (2017) *Kul'tura i ee scenarij: implicitnyj obobshchennyj scenarij kak vnutrikul'turnyj integrator* [Culture and its scenario: an implicit generalized script as an intracultural integrator], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], no. 2, pp. 153–164.

Lourie S.V. (1994) *Russkie i armyane v Zakavkaz'e v XIX veke: dinamika kontaktnoj situacii. Opyt etnopsichologicheskogo analiza* [Russians and Armenians in Transcaucasia in the XIX century: the dynamics of the contact situation. The experience of ethnopsychological analysis]. St.-Petersburg: Institut sociologii RAN.

Lourie S., Davtyan A. (2012) *Erevanskaya civilizaciya. (Process formirovaniya tradicij i cennostej)* [Yerevan civilization. (The process of formation of traditions and values)]. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.

Narynbaev A.I. (1966) *Opyt sociologicheskogo issledovaniya mezhnacional'nogo braka* [The experience of sociological research of interethnic marriage], *Nacii i nacional'nye otnosheniya* [Nation and National Relations]. Frunze: Ilim, pp. 65–79.

Sabieva L.H. (1979) *Mezhnacional'nye braki i sem'ya kak otrazhenie nacional'nyh otnoshenij novogo tipa* [Interethnic marriages and family as a reflection of national relations of a new type]. Ph. D. (History) Thesis' Synopsis. Moscow: Moscow State University Publishers.

Sabieva L.H. (1974) *Rol' mezhnacional'nyh brakov v processe sblizheniya socialisticheskikh nacij (Na primere respublik Srednej Azii)* [The role of international marriages in the process of rapprochement of socialist nations (On the example of the republics of Central Asia)]. *Social'no-politicheskie otnosheniya v razvytom socialisticheskom obshchestve* [Socio-political relations in a developed socialist society]. Moscow: Moscow State Univ. Publishers, pp. 80–98.

Sadyhov G. Sh. (1982) *Mezhnacional'nye molodye sem'i novyh gorodov Azerbajdzhana* [Interethnic young families of new Azerbaijan cities], *Sovremennaya sem'ya* [Contemporary family]. Moscow: Finansy i statistika, pp. 40–54.

Skachkova N.P. (1977) *Rol' mezhnacional'nyh brakov i semej v sblizhenii sovetskikh nacij i narodnostej v period razvytogo socializma* (na materialah Kazahskoj SSR) [The role of interethnic marriages and families in bringing together Soviet nations and nationalities in the period of developed socialism (on the materials of the Kazakh SSR)]. Ph. D. (Sociology) Thesis' Synopsis. Alma-Ata: n/d.

Sobolenko E.R. (1980) *Rol' sem'i v ehtnicheskikh processah* [The role of the family in ethnic processes]. *Etnicheskie processy i obraz zhizni. (Na materialah issledovaniya naseleniya gorodov BSSR)* [Ethnic processes and way of life. (On the materials of the BSSR towns population study)]. Minsk: Nauka i tekhnika, pp. 157–174.

Sochinskaya S.I. (1983) *Mezhnacional'naya sem'ya i ee rol' v internacionalizacii sovetskogo obraza zhizni. V pomoshch' lektoru. Metodicheskie rekomendacii* [Interethnic family and its role in the internationalization of the Soviet way of life. To help the lecturer. Guidelines]. Odessa: Odesskaya oblastnaya organizaciya obshchestva "Znanie".

Social'no-kul'turnyj oblik sovetskikh nacij. (Po rezul'tatam etnosociologicheskogo issledovaniya) [Sociocultural image of the Soviet nations. (Based on the results of ethno-sociological research)] (1986) Moscow: Nauka.

Soroko E.L. (2014) Ehtnicheski-smeshannye supruzheskie pary v Rossijskoy Federacii [Interethnic couples in the Russian Federation], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 4, pp. 9–123.

Susokolov A.A. (1987) *Mezhnacional'nye braki v SSSR* [Interethnic marriages in the USSR]. Moscow: Mysl' (https://books.google.ru/books/about/Межнациональные_браки.html).

Terent'eva L.N. (1972) *Etnicheskie processy i sem'ya* [Ethnic processes and family]. Report made on the XII International Seminar on Family Research. Moscow: Sovetskaya sociologicheskaya associaciya, Institut konkretnyh social'nyh issledovanij.

Terent'eva L.N. (1974) *Formirovanie etnicheskogo samosoznaniya v nacional'no-smeshannyh sem'yah* [Formation of ethnic self-awareness in national-mixed families]. VIII World Sociological Congress. Kanada, Toronto, 17–24 August, 1974. Moscow: Institut sociologicheskikh issledovanij, Sovetskaya sociologicheskaya associaciya.

Ualiev S., Ehdgar E. (2011) Mezhehtnicheskie braki, smeshannoe proiskhozhdenie i “druzhiba narodov” v sovetskom i postsovetskom Kazahstane [Interethnic marriages, mixed origins and “friendship of peoples” in Soviet and post-Soviet Kazakhstan], *Neprikosnovenniy zapas*, no. 6, pp. 34–45.

Ustinova M.Ya. (1990) Nekotorye voprosy izucheniya nacional'no-smeshannyh brakov i semej (na primere Litvy) [Some issues of studying nationally mixed marriages and families (on the example of Lithuania)], *Sem'ya. Tradicii i sovremennost'* [Family. Traditions and contemporaneity]. Moscow: Institut etnologii i antropologii AN SSSR, pp. 205–217.

© С. Лурье, 2018